

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА

УДК 347.782

DOI: 10.31249/hoc/2024.02.09

*Коданева С.И.**

КОНСТИТУЦИОННАЯ КОНВЕНЦИЯ В БРИТАНСКОЙ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЕ

Аннотация. Конституционная система любой страны является формой ее материального и нематериального культурного наследия, поскольку отражает исторические традиции, принятые в обществе, а также особенности его правовой культуры. Настоящая статья посвящена анализу особенностей британской конституционной системы, важной частью которой являются неписанные политические конвенции. Показано, что ни в одной другой стране мира система, подобная британской, не смогла бы обеспечить необходимую стабильность и надежность, сохранение демократического режима и защиту прав человека. Причина заключается в особой правовой культуре, являющейся одним из элементов общечеловеческой культуры британской политической элиты.

* *Коданева Светлана Игоревна* – кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник отдела правоповедения Института научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия; kodanevas@gmail.com

Kodaneva Svetlana Igorevna – PhD in Law, Leading Researcher of the Department of Law at the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; kodanevas@gmail.com

Ключевые слова: конституционная конвенция; политическая культура; культурное наследие; конституционные традиции и обычаи.

Поступила: 22.01.2024

Принята к печати: 28.02.2024

Для цитирования: Коданева С.И. Конституционная конвенция в британской правовой культуре // Вестник культурологии. – 2024. – № 2(109). – С. 168–191. – DOI: 10.31249/hoc/2024.02.09

Kodaneva S.I.

Constitutional convention in British legal culture

Abstract. The constitutional system of any country is a form of its tangible and intangible cultural heritage, since it reflects the historical traditions accepted in society, as well as the peculiarities of its legal culture. This article is devoted to the analysis of the features of the British constitutional system, an important part of which are unwritten political conventions. It is shown that in no other country in the world would a system like the British one be able to ensure the necessary stability and reliability, the preservation of a democratic regime and the protection of human rights. The reason lies in the special legal culture, which is one of the elements of the universal culture of the British political elite.

Keywords: constitutional convention; political culture; cultural heritage; constitutional traditions and customs.

Received: 22.01.2024

Accepted: 28.02.2024

For quoting: Kodaneva S.I. Constitutional convention in British legal culture // Bulletin of Cultural Studies. – 2024. – No. 2(109). – P. 168–191. DOI: 10.31249/hoc/2024.02.09

Введение

Культурное наследие, как известно, является понятием многогранным, включающим различные аспекты: антропологический, социологический, культурологический, правовой и др. Человечество накопило богатый арсенал материальных артефактов, а также традиций и обычаев, которые составляют материальное и нематериальное

культурное наследие. Однако, как совершенно верно отмечено в литературе, сегодня крайне мало научных исследований, посвященных таким элементам культурного наследия, как правовая культура (в качестве нематериального наследия) и юридические документы (являющиеся объектами и материального, и нематериального наследия) [Андреева, 2023, с. 167].

В связи с этим представляется крайне важным вывод автора о том, что конституции стран мира представляют собой образец и того и другого, а принятая конституция и даже ее проект сразу становятся артефактом, потому что отражают определенный этап развития общества и с этой точки зрения, т.е. с точки зрения превращения в артефакт и объект культурного наследия, не требуют проверки временем и нуждаются в сохранении, поскольку несут на себе позитивный или негативный отпечаток правовой культуры и отражают ценности, сложившиеся в обществе задолго до их появления.

В этой связи представляется важным задаться вопросами: а что собой представляет правовая культура и какую роль она играет в формировании конституций, а затем – их жизнеспособности, особенно если эти конституции сочетают в себе как писанные, так и неписанные источники, такие как конституционные конвенции? И вообще, для чего нужны конвенции, какую конституционную функцию они выполняют, почему сохраняются в конституционных системах некоторых стран и как это связано с культурной памятью соответствующих народов и их правовой культурой?

Настоящая статья представляет собой попытку дать ответ на эти вопросы посредством анализа понятия «конституционная конвенция», являющегося уникальным примером исторического и культурного наследия Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии (далее – Великобритания, Королевство).

Великобритания – страна уникальная, поскольку в ней отсутствует писанная конституция. Ее заменяет множество источников, относящихся как к правовой, так и к политической конституции. Принято выделять пять видов норм британской конституции: статутное право, общее право, конституционные обычаи, конвенции и доктрину. Первые три группы образуют правовую конституцию страны, поскольку они имеют юридическую силу и подлежат судебной защите. Нормы статутного права содержатся в актах Парламента, но последние, по

сути, обобщают и кодифицируют прецедентное право (в рамках которого, в свою очередь, интерпретируются нормы статутах, что обеспечивает эволюционное развитие правовой системы Великобритании) [Андреева, 2021б]. Конституционные обычаи – это те обычаи, которые отвечают критериям, выработанным судебной практикой, основным из которых является «существование с незапамятных времен», т.е. с 1189 г. Такие обычаи признаются судами в качестве источника права, при условии, если удастся доказать их «старинность», а также то, что они постоянно используются жителями определенной местности [Кожевников, 2020].

Конвенции представляют собой конституцию политическую. Признанный теоретик-конституционалист А.В. Дайси (1835–1922) определял конституционную конвенцию как «обычаи, практики, максимы и предписания, которые не соблюдаются и не признаются судами», но являются конституционной моралью [Dicey, 1982, p. 277]. Соответственно, конвенции бывают двух видов, в зависимости от источника их появления: политические соглашения или политические обычаи. Так, потребовалось 70 лет, чтобы сформировалась традиция, согласно которой король должен действовать по совету своих министров. А сформулирована эта конвенция была в 1910 г., когда король пожелал проконсультироваться с лидером оппозиции в палате лордов, тогдашний премьер-министр Великобритании Г.Г. Асквит (1887–1969) напомнил ему, что вопрос о поведении Короны «к счастью, решен накопленными традициями и непрерывной практикой более чем за 70 лет». Напротив, Конвенция Солсбери / Аддисона (подробнее о ней – далее) – это результат соглашения [Bogdanor, 2004, p. 78].

Конвенции играют ключевую роль в конституционной системе страны, поскольку служат для подчинения юридического суверена (правительства страны) политическому (народу). Как писал А.В. Дайси, положения конституции состоят из обычаев, которые (независимо от их исторического происхождения) в настоящее время поддерживаются ради обеспечения верховенства палаты общин и в конечном счете через выборную палату общин – нации. Конвенции не могут быть признаны судами. Они являются частью неформальной «этики» политической системы, которая определяет, как ведут себя политические субъекты и что они обязаны делать [ibid, p. 392]. Наконец, важной составляющей британской конституции является доктрина

на, т.е. работы ученых-правоведов. Связано это с тем, что с течением времени источники юридической и политической конституции сформировали крайне сложное и запутанное, а иногда и противоречивое регулирование. Однако участники политического процесса не всегда готовы обращаться в суды для разрешения возникающих вопросов и противоречий, поскольку, как было отмечено, последние принимают решения опираясь на юридическую конституцию. Это значит, что в случае, когда конвенция противоречит существующему праву, она будет отклонена судом. Однако такой подход способен разрушить всю конституционную систему страны. Поэтому в подобных ситуациях принято обращаться к ученым, на чьи заключения затем парламент и правительство опираются в своей деятельности.

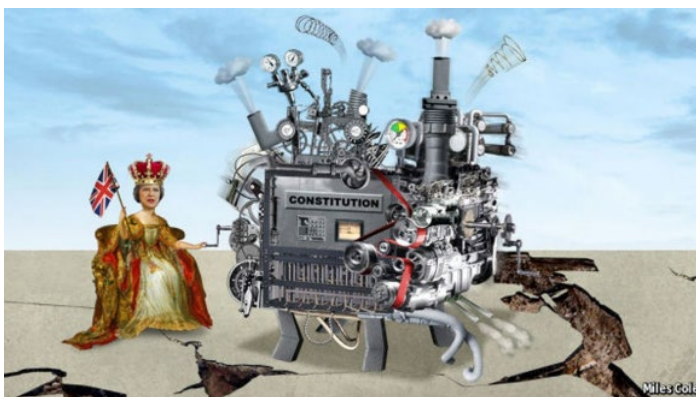

Рис. 1. Майлс Коул (Miles Cole). Конституции Великобритании [Андреева, 20216]

Таким образом, конституцию Великобритании можно представить в виде сложной машины, как это показано на рис. 1, где переплетено множество механизмов, дополняющих друг друга.

Правовая культура как элемент культуры общества

Следует отметить, что такое явление как «правовая культура» понимается в научной литературе по-разному, а его единое, общепризнанное определение отсутствует. Авторы предлагают свои трактовки,

вкладывая в них определенный сущностный аспект. В результате, как отмечает Е. А. Певцова, насчитывается около 250 различных научных позиций по вопросу ее определения [Певцова, 2004, с. 72]. Некоторые авторы обращают внимание на субъективные характеристики правовой культуры, выделяя правовую культуру общества (т.е. то, как в данном социуме принято относиться к правовым установлениям, каковы общепризнанные моральные и нравственные ценности) и личности (индивидуальное отношение к праву, уровень информированности и готовность к правомерному поведению). Другие обращают внимание на объективные составляющие правовой культуры (такие как уровень качественного состояния правовой системы, ее место в системе общественных регуляторов и др.).

Представляется, что ключевой характеристикой правовой культуры является уровень духовно-нравственного развития, которое формирует в отдельных людях и обществе в целом уважительное отношение к праву, стремление повышать уровень своих правовых знаний и готовность реализовывать их на практике. При этом показателем правовой культуры общества выступает уровень правосознания людей. Правосознание – это духовная основа, включающая общепринятые в обществе моральные установки, а также особенности правовой системы [Коданева, 2023б, с. 28].

Последнее представляется крайне важным, поскольку моральные установки и ценности в современном глобализованном мире все больше унифицируются, по крайней мере в части базовых ценностей, таких как личные права человека. Тем не менее, как показывает практика, конституции, закрепляющие эти ценности, далеко не всегда и не везде применяются одинаково, гарантируя защиту этих базовых ценностей. Прежде всего, это касается конституций современных постколониальных государств, которые, внешне восприняв ценности бывших метрополий, на практике продолжают существовать в собственном культурном пространстве, руководствуясь старинными неписаными традициями и обычаями.

Иными словами, такие конституции, являясь материальными артефактами, тем не менее не превращаются в нематериальное культурное наследие, обеспечивая единство культурного пространства и преемственность. Очевидно, это связано с различиями в правовых культурах как элементе культуры общества в целом.

С другой стороны, в странах, где правовая система в полной мере питала в себя культурный код нации, объективно отражает ее ценности и мораль, такая система будет достаточно устойчивой, нормально обеспечивая высокий уровень правосознания и соблюдения правовых предписаний правоприменителями, а следовательно, и нормальное функционирование всех общественных институтов.

«Конституционная конвенция» как уникальное культурное наследие Великобритании

Термин «конвенция» (convention) в конституционном контексте означает набор согласованных, предусмотренных или общепринятых стандартов, социальных норм или других критериев, часто принимающих форму обычая. Согласно Oxford English Dictionary, оно происходит от латинского слова *convenire* (собирать) и *convention* (имело два значения: собрание и договоренность). Затем этот термин использовался в старом французском языке, откуда в Средние века был заимствован англичанами. Первоначально он означал большое собрание или конференцию. Постепенно смысл термина стал меняться. Сначала он стал использоваться как синоним слова «соглашение» или «договоренность» (как результат собрания или конференции). Однако к концу XVIII в. термин приобретает второе значение, воспринимается как синоним слова «обычай» (Oxford English Dictionary).

Как известно, правовые системы большинства стран мира основаны на писаных конституциях, закрепляющих основные принципы построения общества и государства, а также права и обязанности граждан. Соответственно, при возникновении споров относительно правомерности действий власти, таковые всегда оцениваются исходя из их соответствия конституции, являющейся в современных обществах гарантом соблюдения демократических принципов, а также прав и свобод людей.

В этом смысле конституции выступают «краеугольным камнем» правовой системы, ее фундаментом, от правильной «закладки» которого зависит вся правовая система государства. Не случайно конституции принято представлять в виде различных архитектурных объектов в зависимости от отношения людей к конституции своей страны, бытования смысловых и культурных ассоциаций. Так, изображение

конституции в виде основательного и официозного здания говорит о власти и богатстве государства, изображение в виде сарая свидетельствует о непрочности и ненадежности, как ассоциация с картонным домиком. Сравнение с маяком свидетельствует о том, что конституция закладывает основы для будущего развития государства и т.д. Подробнее об этом см.: [Андреева, 2021a].

В Великобритании, как было показано выше, в отличие от большинства стран мира, основой конституционной системы является не кодифицированная конституция, в роли «краеугольного камня» которой выступает доктрина «парламентского суверенитета», сформулированная А.В. Дэйси. Она основана на презумпции свободы законотворчества в любой области, при этом суды традиционно не имеют права оценивать законность и конституционность решений парламента [Goldsworthy, 2015, p. 17], поскольку судебная власть всегда рассматривалась как потенциально недемократическая [Tabarelli, 2013, p. 349]. Контроль над парламентом в Соединенном Королевстве традиционно осуществлялся самим парламентом через «власть свободного общественного мнения, представленного палатой общин» [Ryder, 2019, p. 394]. Иными словами, только парламент правомочен изменять или отменять свои акты, при этом он не связан решениями своих предшественников, т.е. в любой момент может пересмотреть любое ранее принятое законодательство.

В этой связи следует привести высказывание Дж. Пауэлла, для которого парламент был буквально душой нации: «...уберите парламент из истории Англии, и сама эта история станет бессмысленной... суверенитет нашего парламента является для нас чем-то иным, чем ваши собрания для вас» [цит. по: Frosini, Gilbert, 2020, p. 771].

Таким образом, возвращаясь к архитектурным ассоциациям, в Великобритании символом нации является место, где заседает парламент, – Вестминстерский дворец, который изображен на рис. 2, а конституционная система страны именуется Вестминстерской.

Рис. 2. Вид на Вестминстерский дворец¹

Эта конституционная система представляет очень гибкий и формировавшийся на протяжении веков в результате естественно-исторической эволюции набор древних обычаев и, соответственно, практик поведения политической элиты страны, т.е. многовековое нематериальное культурное наследие, создавшее особую правовую культуру Британии как части культурного кода этой нации, основу которого составляют:

1) гордость за свои историю, традиции и демократические институты, существующие на протяжении многих веков и ставшие образцом для всего мира. Не случайно во время кампании референдума по вопросу о членстве в ЕС, сторонники Брексита активно использовали в своей агитации образ «Глобальной Британии», как великой империи, распространившей свое влияние на все континенты. Подробнее см.: [Коданева 2021];

2) рациональность поступков, основанных, прежде всего на целесообразности. Не случайно именно Королевство – первая страна, где

¹ URL: <https://picryl.com/ru/media/north-east-view-of-westminster-abbey> (accessed 14.02.2024).

неолиберализм стал государственной политикой правительства (в период нахождения у власти консервативного большинства, возглавляемого М. Тэтчер). Основой идеологии неолиберализма является постулат о том, что экономические субъекты всегда действуют рационально, поэтому следует ограничить вмешательство государства в экономику необходимым минимумом, а участникам гражданских отношений предоставить полную свободу выбора поведения и проявления экономической инициативы. Этот постулат очень хорошо отражает культурную особенность британцев, обеспечивающую устойчивость конституционной системы страны;

3) признание репутации как важной ценности, которую следует беречь. Соответственно, нарушение соглашений или общепризнанных норм поведения рассматривается как недопустимое, поскольку может нанести удар по репутации;

4) стремление решать возникающие вопросы и противоречия путем закрытых (кулуарных) переговоров, заканчивающихся, как правило, заключением конвенций.

Таким образом, своеобразие конституционной системы Королевства во многом является отражением культурного кода его жителей. Например, большинство британских ученых конституционалистов, пытающихся объяснить, почему политики не нарушают конвенции, хотя и знают, что за это не последует юридической ответственности, приводят довод о том, что такое нарушение приведет к разрушению всей системы (т.е. будет нерациональным), а также нанесет удар по репутации (что в конечном итоге тоже будет нерациональным, поскольку подорвет доверие избирателей). Еще одним аргументом, апеллирующим к рациональности, является тезис о том, что важным преимуществом британской конституционной системы является предотвращение устаревания конституции, обеспечивающее ее развитие в соответствии с меняющимися условиями и адаптацией к конкретным потребностям [Nolan, Sedley, 1997, p. 96]. По мнению выдающегося британского конституционалиста А. Дженнинга, конституционные конвенции «обеспечивают плоть, которая облекает сухие кости закона; они заставляют юридическую конституцию работать; они поддерживают ее связь с развитием идей». Иными словами, он утверждает, что юридическая конституция не работала бы без конвенций [Jennings, 1938, p. 247]. Смысл этого довода заключается в том, что

конвенции, будучи неюридическим источником правил поведения британских политиков, позволяют, в случае необходимости (например, в условиях конституционного или политического кризиса, чрезвычайной ситуации), быстро находить гибкие и неординарные решения, не оглядываясь на жесткие предписания закона и не дожидаясь, когда они будут изменены. В этих ситуациях конвенции могут не соблюдаться, что не повлечет негативных политических и репутационных последствий, поскольку происходящее будет оправдано целесообразностью. Ярким примером подобной чрезвычайной ситуации является процесс Брекзита (подробнее об этом будет далее). Однако после разрешения кризиса властные институты возвращаются к соблюдению конвенций, если это возможно и если в процессе кризиса не будут сформулированы новые конвенции, которые будут регулировать отношения в изменившихся условиях. Точно так же конвенции могут «умирать» или трансформироваться вместе с изменениями социальных и культурных установок общества. Практики, которые когда-то считались уместными или желательными, могут оказаться несовершенными до такой степени, что они либо больше не считаются достойными соблюдения, либо требуют какой-то реакции со стороны политических субъектов для устранения любого предполагаемого отсутствия, поскольку именно неписанные правила, не имеющие обязательной юридической силы, как это ни парадоксально, обеспечивают соблюдение правящими элитами демократических принципов и подотчетности [Barber, 2021, p. 102].

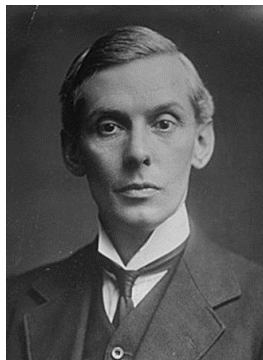
Так, например, формально Королевство до сих пор является абсолютной монархией, во главе которой стоит король, обладающий prerogative в наиболее значимых областях – внешней политике, обороне и безопасности, а также по ряду конституционных вопросов, таких как роспуск парламента или назначение премьер-министра. Формально никто не может запретить королю воспользоваться своими prerogative. Однако в современных условиях сложилась традиция, согласно которой все королевские prerogative от имени короля осуществляет ответственное должностное лицо исполнительной власти. Также конституционной конвенцией является неучастие короля в партийной политике, в определении того, кто станет премьер-министром (правило, что это лидер партии, получившей большинство в палате общин, – это также конвенция), да и в политике вообще. Например, премьер-министр еженедельно обязан встречаться с королем для об-

суждения текущих дел, сообщая ему о том, какие решения Кабинет министров принял или планирует принять. При этом его величество не может обязывать премьер-министра принимать те или иные решения, но только предостерегать или рекомендовать, однако окончательное решение всегда остается за последним.

Еще одним ярким примером британской политической культуры является Конвенция Солсбери / Аддисона или «Доктрина Солсбери», в соответствии с которой палата лордов не препятствует принятию законов, реализующих обещания, данные в предвыборном манифесте победившей на выборах партии. Появление этой конвенции связано с тем, что вплоть до реформы 1999 г. абсолютное большинство в палате лордов составляли консерваторы, традиционно придерживающиеся либеральных взглядов на социально-экономическую политику. Однако после окончания Второй мировой войны победу на выборах 1945 г. в палату общин одержали лейбористы, обещавшие национализировать большинство отраслей промышленности, увеличить государственные социальные расходы (так появилась Национальная служба здравоохранения) и проводить политику государства всеобщего благосостояния. Тогда лидеры лейбористов (лорд Аддисон – рис. 3) и консерваторов (лорд Солсбери – рис. 4) сформулировали указанное соглашение, которое соблюдается по сей день.

*Рис.3. Лорд Солсбери*¹

*Рис.4. Лорд Аддисон*²

¹ URL: <https://www.npg.org.uk/collections/serch/portrait/mw76022/Robert-Arthur-James-Gascoyne-Cecil-5th-Marquess-of-Salisbury> (accessed 14.02.2024)

² URL: https://www.flickr.com/photos/library_of_congress/16027831872/ (accessed 14.02.2024)

Большая часть парламентских процедур развивалась в результате постоянного использования на протяжении веков и не прописана в регламенте. Иногда это называют «обычай и практика», которые относятся к широкому кругу вопросов, начиная от рассадки и цветов интерьера двух палат парламента и заканчивая регламентными процедурами, такими как рассмотрение законопроекта в трех чтениях или правило о том, что одно и то же по существу предложение не может рассматриваться на одной сессии парламента дважды.

Например, в здании британского парламента два церемониальных жезла (булавы) символизируют власть монарха в двух палатах. Монарха называют «третьей частью парламента», и он подписывает законопроекты, придающие им силу. Парламент не может законно заседать, обсуждать или принимать какие-либо законы без присутствия в палатах королевского жезла. Его вносят процессией в начале и в конце каждого дня заседания, как это показано на рис. 5. Без жезла заседание палат считается недействительным. С этим жезлом связано много событий. Например, он не раз использовался в качестве оружия (например, в 1976 г. М. Хезелтайн, член Консервативной партии, захватил жезл и размахивал им перед противостоящими членами лейбористской партии во время горячего спора по биллю об авиационной и судостроительной промышленности), его пытались выносить из помещения (в 1930 г. Джон Беккет, член лейбористской партии, был временно отстранен от Палаты общин за проявление непочтительности к жезлу, пытаясь вынести его из парламента, выступая против временного отстранения другого участника) и т.д.

Зеленый является основным цветом мебели и тканей во всех помещениях, используемых палатой общин. Он олицетворяет христианские идеалы веры, надежды, милосердия, победы жизни над смертью и омоложения души добрыми делами. Изначально декор палаты общин не имел какого-то определенного цвета, однако с середины XVII в., когда помещение в часовне Св. Стефана, где палата заседала, было декорировано зеленым, и по сей день принято использовать именно этот цвет, что имеет два возможных объяснения. Первое – религиозная подоплека, второе заключается в том, что, в отличие от лордов, которые являются богатыми людьми, общины представляют простой народ, который не может позволить себе использовать дорогие ткани и цвета [House of Commons Green ... , 2010].

Рис. 5. Церемония внесения церемониального жезла¹

Цвет кресел – зеленый, министры сидят на первом ряду справа от спикера, секретари парламента – сразу за своим министром; официальное руководство оппозиции сидит в первом ряду слева от спикера. Члены партии меньшинства сидят в задних рядах под проходом слева.

Члены должны обращаться к палате через председателя (обычно «господин / госпожа спикер / заместитель спикера»), а друг к другу – от третьего лица и по должности («Лорд-канцлер утверждает» или «Достопочтенный член утверждал...») или избирательному округу («На прошлой неделе член от Харроу-Ист сказал в этой палате...»). Эту конвенцию часто нарушают новые члены палаты, но спикер объясняет им, что «она существует на протяжении многих лет для того, чтобы <парламентарии> не теряли самообладания и не увлекались» [Sharpe, 2020, p. 10]. Этой же цели служит правило о «красных линиях»: членам палаты запрещено выступать, находясь между двумя красными линиями. Как было показано выше, члены правящей партии и оппозиции сидят по разные стороны красных линий, которые находятся друг от друга на расстоянии скрещенных шпаг. Таким образом, конвенция была направлена на недопущение кровопролития в парламенте во время чересчур жарких дебатов. На рис. 6 представлен фотомонтаж – зал палаты общин и спортивные фехтовальщицы, которые стоят на красных линиях. Это позволяет наглядно представить смысл

¹ URL: <https://www.parliament.uk/business/news/2021/may/coming-up-in-the-commons-10-14-may-2021/> (accessed 14.02.2024).

древней традиции, хотя следует учитывать, что в те времена, когда она появилась, основным оружием был меч, одним взмахом которого можно было убить оппонента, поэтому конвенция имела важное практическое значение. Сегодня же она скорее является формой парламентской вежливости.

Рис. 6. Красные линии в Палате общин¹

Еще одним правилом вежливости является конвенция о том, что член палаты, желающий выступить, должен присутствовать с начала дебатов и как минимум на двух выступлениях после собственного. Желающий выступить должен «поймать взгляд» спикера, т.е. встать. Спикер дает слово представителям партии большинства и оппозиции по очереди, отдавая приоритет тем, кто присутствовал на большей части выступлений. Если член палаты не соблюдает это правило, то ему слово может быть вообще не предоставлено. Смысл данных конвенций очень прост: парламент – это место для дискуссии и поиска компромиссного решения, поэтому тем, кто желает просто «показать себя», не слушая других, слово не должно предоставляться. Подробнее об этом см.: [Sharpe, 2020, p. 10]. Существует множество и других конвенций, касающихся регламентных процедур, таких как количество чтений законопроекта, рассмотрение неотложных ходатайств, обязанность короля подписать билль, принятый в двух чтениях обеими палатами, даже если он сам или правительство с ним не согласны, и т.д.

¹ URL: https://pikabu.ru/story/chto_u_nikh_tam_na_stole_6428461?cid=131094026 (accessed 14.02.2024)

Рис. 7. Палата лордов¹

Палата лордов оформлена в красной цветовой гамме (как показано на рис. 7), что объясняется просто: красный цвет – это цвет короля, а палата лордов – это то место, где король встречался со своим двором и знатью. Лорд-спикер сидит на «шерстяном мешке» – большой подушке или сиденье с шерстяной набивкой, покрытых красной тканью. Этот обычай вышел из Средних веков, когда Англия была главным экспортером шерсти и шерстяных изделий в Западную Европу и считалась ведущим производителем как по качеству, так и по количеству материала.

Члены палаты должны обращаться друг к другу по титулу или должности. Речи свои они не имеют права зачитывать, хотя можно использовать заметки. Члены должны присутствовать на большей части дебатов и по крайней мере на вступительных и заключительных речах, а также на двух выступлениях после собственного. Подробнее об этом см.: [Sharpe, 2020, p. 12].

Деятельность правительства страны также строится на многочисленных конвенциях. Так, само существование Кабинета министров как комитета Тайного совета является старинной традицией, возникшей еще во времена Георга I, который недостаточно хорошо владел английским языком, не был знаком с британской политикой и поэтому в значительной степени полагался на избранную группу советников.

¹ URL: <https://www.flickr.com/photos/ukhouseoflords/51902242747/> (accessed 14.02.2024)

Тогда часть наиболее доверенных лиц, составлявших Исполнительный комитет Тайного совета, стала собираться в отсутствие государя, сообщая ему свои решения постфактум. Таким образом, существование и круг полномочий этого основного органа исполнительной власти никак не регулируется, но полностью основан на конвенциях, соблюдение которых зависит от правовой культуры политической элиты страны. Как показано в карикатуре на рис. 8, король опирается на Великую хартию вольностей 1215 г., появившуюся в результате восстания баронов против короля Иоанна Безземельного (1199–1216), и законы, «написанные кровью» предков, чьи черепа находятся под тронном. Но, принимая решения, он прислушивается к мнению своего окружения (Тайного совета). Таким образом, здесь снова находит отражение особенность британской правовой культуры – сочетание писаного и неписаного права, уважение к традициям и необходимость достижения соглашений по возникающим вопросам.

Рис. 8. Т. Роулэндсон. Тайный совет короля¹

Яркий пример того, как эта правовая культура трансформируется под влиянием времени и экстраординарных ситуаций, – процесс выхода Великобритании из состава ЕС. Деятельность Кабинета министров зиждется на двух краеугольных камнях: солидарности и коллек-

¹ URL: <https://artsandculture.google.com/asset/yAEmHlolugOokA> (accessed 14.02.2024).

тивной ответственности. Изначально это означало, что образующие кабинет высшие должностные лица правительства коллективно обсуждают текущие вопросы, при этом они могут свободно отстаивать собственные взгляды, поскольку все заседания Кабинета проходят в закрытом режиме и никогда не становятся достоянием общественности. Однако после того, как кабинет приходит к единому решению, все его члены обязаны отстаивать и реализовывать это решение, даже если были с ним не согласны. Если кто-то из министров к этому не готов, он должен уйти в отставку. Однако традиция солидарности оказалась под угрозой в условиях дебатов по вопросу о Брексите. Тогда часть Кабинета министров консерваторов выступала за выход из ЕС, в то время как премьер-министр и большинство кабинета – за сохранение членства. В результате премьер-министр Д. Кэмерон приостановил действие конвенции о коллективной ответственности кабинета министров на время кампании референдума 2016 г. После того как премьер-министром стала Т. Мэй, министры в ее кабинете продолжили публично озвучивать свое отношение к Брекситу, не согласующееся с позицией Кабинета. Это дало основание для некоторых исследователей утверждать, что не только сама конвенция перестала существовать, но произошло изменение традиционной культуры поведения членов правительства Великобритании [Russell, Cowley, 2018, p. 24].

Однако такие утверждения оказались преждевременными, поскольку с приходом Б. Джонсона, инициировавшего досрочные выборы и сформировавшего лояльный ему кабинет, конвенция возобновилась, хотя и не в полной мере, поскольку все ключевые решения он принимал лично без обсуждения с членами своего кабинета. Впрочем, нельзя сказать, что это означает трансформацию конвенции, поскольку подобные прецеденты случались и в прошлом при сильных лидерах, таких как У. Черчилль. Иными словами, в данном случае следует говорить не об изменении традиций или культуры, а о стиле управления конкретного премьер-министра, который отражается не только в том, кто и как принимает решения, но даже в том, в какой день проходит заседание Кабинета и сколько времени оно длится. Таким образом, Брекзит оказался не более чем кратковременным шоком, который не смог разрушить политическую систему страны [Baldini, Bressanelli, Massetti, 2022, p. 339], поскольку культурные традиции и нарративы

уходят корнями слишком глубоко в историю и потому устойчивы к временным потрясениям.

Еще одним ярким примером, демонстрирующим особенности правовой культуры британской политической элиты, является региональная политика. Начиная с 1997 г. в Королевстве началась реформа, направленная на постепенное расширение автономии регионов (Уэльса, Шотландии и Северной Ирландии). Однако на первых порах постоянно возникали сомнения относительно того, кому принадлежат те или иные полномочия (центральному или региональному правительству). Принятой практикой разрешения этих вопросов стали неформальные совещания государственных служащих, иногда с привлечением генерального прокурора для юридических консультаций. Таким образом, здесь снова проявилась традиционная британская культура приверженности «кулуарным» переговорам. Характерно, что в данном случае эту практику применяли именно государственные служащие без привлечения соответствующих министров [Коданева, 2023а, с. 254].

Затем лорд Сьюэл сформулировал правило, согласно которому парламент страны не будет принимать законы по делегированным регионам вопросам без согласия регионального законодательного органа. Однако в процессе выхода Великобритании из состава ЕС эта конвенция была нарушена, а Верховный суд в деле Миллер 2017 г.¹ прямо указал на то, что она не является юридически обязательной и не подлежит судебной защите. Эта ситуация имела куда более серьезные последствия, чем нарушение конвенции о коллективной ответственности, поскольку затрагивала интересы регионов, побуждая их поднимать вопрос о сецессии. Тем не менее традиционная британская культура восторжествовала и на сей раз: правительство создало механизм согласования интересов (Объединенный министерский комитет по передаче полномочий). В задачи комитета входит обсуждение с привлечением экспертов вопросов и разграничении полномочий между центром и регионами и выработки «Общих рамок» правового регули-

¹ JUDGMENT R (on the application of Miller and another) (Respondents) v Secretary of State for Exiting the European Union (Appellant) // The Supreme Court. – 2017. – 24.01. – URL: <https://www.supremecourt.uk/cases/docs/uksc-2016-0196-judgment.pdf> (date of access: 11.02.2023).

рования, подробнее об этом см.: [Коданева, 2023в]. Но, что важно, в результате работы комитета было принято только три новых закона. Все остальные решения обрели форму соглашений – конкордатов (аналог конституционных конвенций, но только заключенных между центральным и региональным правительствами).

Заключение

Подводя итог, следует признать, что британская конституционная система, построенная на сочетании жестких писанных источников права и гибких неформальных соглашений, является довольно специфичной для современного мира. Подобные системы можно встретить только в странах англосаксонской правовой семьи, преимущественно бывших колониях Британской империи. Но и в них основу и стержень конституционной системы всегда образует кодифицированная конституция. Представляется, что ни в одной другой стране мира система, подобная британской, не смогла бы обеспечить необходимую стабильность и надежность, сохранение демократического режима и защиту прав человека. Причина такого своеобразия британской конституционной системы заключается в особой правовой культуре, являющейся одним из элементов общечеловеческой культуры британской политической элиты, сочетающей рассмотренные выше ключевые элементы: гордость за свою историю и традиции, рациональность, ценность сохранения хорошей репутации и приверженность к неформальным переговорам и соглашениям для разрешения любых возникающих вопросов и противоречий.

Список литературы

Андреева Г.Н. Архитектурные образы конституции: созидать, реконструировать или разрушать? // Вестник культурологии. – 2021а. – № 2(97). – С. 8–31. – DOI: 10.31249/hoc/2021.02.01

Андреева Г.Н. Конституционный механизм в зеркале зарубежной карикатуры // Вестник культурологии. – 2021б. – № 4(99). – С. 179–200. – DOI: 10.31249/hoc/2021.04.10

Андреева Г.Н. Конституция как важная составная часть культурного наследия // Вестник культурологии. – 2023. – № 4(107). – С. 163–178. – DOI: 10.31249/hoc/2023.04.09

Коданева С.И. Брекзит: сепаратизм, популизм и социальная трансформация британского общества // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2021. – Т. 14, № 1. – С. 98–117. – URL: <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2021-14-1-5> (дата обращения 14.02.2024).

Коданева С.И. Политика управления регионами в Британии: история и современность // Россия и современный мир. – 2023а. – № 3. – С. 242–260. – DOI: 10.31249/rsm/2023.03.15

Коданева С.И. Роль экологического правосознания в формировании экологической культуры населения России // Московский юридический журнал. – 2023б. – № 3. – С. 24–32. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54936436>.

Коданева С.И. Брекзит: причины, предпосылки и правовые последствия : монография / РАН, ИНИОН, Отд. правоведения ; отв. ред. к.и.н. Т.Г. Пархалина. – Москва : ИНИОН РАН, 2023в. – 182 с. – ISBN: 978-5-248-01069-1. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54215125>

Кожевников В.В. Правовой обычай как юридический источник семьи общего (прецедентного) права // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2020. – № 35. – С. 56–75. – DOI: 10.17223/22253513/35/5

Певцова Е.А. Современные дефинитивные подходы к правовой культуре и правовому сознанию // Журнал российского права. – 2004. – № 3. – С. 70–81.

Baldini G., Bressanelli E., Massetti E. Back to the Westminster model? The Brexit process and the UK political system // International Political Science Review. – 2022. – Vol. 43, N 3. – P. 329–344. – URL: <https://doi.org/10.1177/0192512120967375> (date of access 14.02.2024).

Barber N.W. The Political Constitution: Constitutional Conventions Get access Arrow // The United Kingdom Constitution: An Introduction. – Oxford, 2021. – P. 93–113. – URL: <https://doi.org/10.1093/oso/9780198852315.003.0006> (date of access 14.02.2024).

Bogdanor V. The British Constitution in the Twentieth Century. – London, 2004. – 770 p. – URL: <https://doi.org/10.5871/bacad/9780197263198.001.0001> (date of access 14.02.2024).

Dicey A.V. Introduction to the Study of the Law of the Constitution. – Roger E. Michener, North Shadeland, Indianapolis, Indiana, 1982. – 392 p. – URL: <https://link.springer.com/book/10.1007/978-1-349-17968-8> (date of access: 14.02.2024).

Frosini J.O., Gilbert M.F. The Brexit car crash: using E.H. Carr to explain Britain's choice to leave the European Union in 2016 // Journal of European Public Policy. – 2020. – Vol. 27, N 5. – P. 771. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/13501763.2019.1676820?journalCode=rjpp20> (date of access: 14.02.2024).

Goldsworthy J. Losing faith in democracy: why judicial supremacy is rising and what to do about it. Launch of policy exchange judicial power project 2015 // Judicial power project. – 2015. – 29 p. – URL: <http://judicialpowerproject.org.uk/wp-content/uploads/2016/10/Losing-Faith-in-Democracy-Lecture.pdf> (date of access: 14.02.2024).

House of Commons Green // House of Commons Information Office Factsheet G10. – 2010. – URL: <https://www.parliament.uk/globalassets/documents/commons-information-office/g10.pdf> (date of access: 14.02.2024).

Jennings I. The Law and the Constitution. – London : University of London Press, 1938. – 322 p.

Nolan L., Sedley S. The Making and Remaking of the British Constitution. – Blackstone Press Limited, 1997. – 113 p.

Russell M., Cowley Ph. Modes of UK Executive-Legislative Relations Revisited // The Political Quarterly. – 2018. – Vol. 89, N 1. – P. 24. – URL: <https://doi.org/10.1111/1467-923X.12463> (date of access: 14.02.2024).

Ryder E. Improving the delivery of justice // Family Court Review. – 2019. – Vol. 57, Issue 3. – P. 394. – URL: <https://doi.org/10.1111/fcre.12431> (date of access: 14.02.2024).

Sharpe J. Parliamentary Conventions. – London : The Constitution Society, 2020. – 68 p. – URL: <https://consoc.org.uk/wp-content/uploads/2020/06/Jacqy-Sharpe-FINAL.pdf> (date of access: 14.02.2024).

Tabarelli M. The influence of the EU and the ECHR on 'parliamentary sovereignty regimes': Assessing the impact of European integration on the British and Swedish Judiciaries // European Law Journal. – 2013. – Vol. 19, N 3. – P. 349. – URL: <https://doi.org/10.1111/eulj.12027> (date of access: 14.02.2024).

References

Andreeva, G.N. Arhitekturnye obrazy konstitucii: sozidat', rekonstruirovat' ili razrushat'? [Architectural images of the constitution: to create, reconstruct or destroy?] In *Vestnik kul'turologii*, no 2 (97), 2021a, pp. 8–31. DOI: 10.31249/hoc/2021.02.01 (In Russ.)

Andreeva, G.N. Konstitucionnyj mekhanizm v zerkale zarubezhnoj karikatury [The constitutional mechanism in the mirror of foreign caricature]. In *Vestnik kul'turologii*, no 4(99), 2021b, pp. 179–200. DOI: 10.31249/hoc/2021.04.10 (In Russ.)

Andreeva, G.N. Konstituciya kak vazhnaya sostavnaya chast' kul'turnogo naslediya [The Constitution as an important part of the cultural heritage]. In *Vestnik kul'turologii*, no 4(107), 2023, pp. 163–178. DOI: 10.31249/hoc/2023.04.09 (In Russ.)

Kodaneva, S.I. Brekzit: separatizm, populizm i social'naya transformaciya britanskogo obshchestva [Brexit: separatism, populism and the social transformation of British society]. In *Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo* [Contours of global transformations: politics, economics, law], V. 14, no 1, 2021, pp. 98–117. URL: <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2021-14-1-5> (data obrashcheniya 14.02.2024). (In Russ.)

Kodaneva, S.I. Politika upravleniya regionami v Britanii: istoriya i sovremennost' [Regional Governance Policy in Britain: History and Modernity]. In *Rossiya i sovremennyy mir*, no 3, 2023a, pp. 242–260. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54936436>. (In Russ.)

Kodaneva, S.I. Rol' ekologicheskogo pravosoznaniya v formirovanii ekologicheskoy kul'tury naseleniya Rossii [The role of environmental awareness in the formation of the ecological culture of the Russian population]. In *Moskovskij yuridicheskij zhurnal*, no 3, 2023b, pp. 24–32. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54215125> (In Russ.)

Kodaneva, S.I. *Brekzit: prichiny, predposylki i pravovye posledstviya : monografiya* / RAN, INION, Otd. pravovedeniya; otv. red. k.i.n.T.G. Parhalina [Brexit: causes, prerequisites and legal consequences : monograph / RAS, INION, Department of Jurisprudence; ed. by Candidate of Historical Sciences T.G. Parkhalin]. Moscow, INION RAN Publ., 2023v. 182 p. ISBN: 978-5-248-01069-1 DOI: 10.31249/brexit/2023.00.00 (In Russ.)

Kozhevnikov, V.V. Pravovoj obyčaj kak yuridicheskij istochnik sem'i obshchego (precedentnogo) prava [Legal custom as a legal source of the family of general (case law)]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo*, no 35, 2020, pp. 56–75. DOI: 10.17223/22253513/35/5 (In Russ.)

Pevcova, E. A. Sovremennye definitivnye podhody k pravovoj kul'ture i pravovomu soznaniyu [Modern definitive approaches to legal culture and legal consciousness]. In *Zhurnal rossijskogo prava*, no 3, 2004, pp. 70–81. (In Russ.)

Baldini, G., Bressanelli, E., Massetti, E. Back to the Westminster model? The Brexit process and the UK political system. In *International Political Science Review*. Vol. 43, no 3, 2022, pp. 329–344. URL: <https://doi.org/10.1177/0192512120967375> (date of access 14.02.2024).

Barber, N.W. The Political Constitution: Constitutional Conventions Get access Arrow. In *The United Kingdom Constitution: An Introduction*. Oxford, 2021, P. 93–113. URL: <https://doi.org/10.1093/oso/9780198852315.003.0006> (date of access 14.02.2024).

Bogdanor, V. *The British Constitution in the Twentieth Century*. London, 2004. 770 p. URL: <https://doi.org/10.5871/bacad/9780197263198.001.0001> (date of access 14.02.2024).

Dicey, A.V. *Introduction to the Study of the Law of the Constitution*. Roger E. Michener, North Shadeland, Indianapolis, Indiana, 1982. 392 p. – URL: <https://link.springer.com/book/10.1007/978-1-349-17968-8> (date of access: 14.02.2024).

Frosini, J.O., Gilbert, M.F. The Brexit car crash: using E.H. Carr to explain Britain's choice to leave the European Union in 2016. In *Journal of European Public Policy*, Vol. 27, no 5, 2020, p. 771. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/13501763.2019.1676820?journalCode=rjpp20> (date of access: 14.02.2024).

Goldsworthy, J. Losing faith in democracy: why judicial supremacy is rising and what to do about it. Launch of policy exchange judicial power project 2015. In *Judicial power project*. 29 p. URL: <http://judicialpowerproject.org.uk/wp-content/uploads/2016/10/Losing-Faith-in-Democracy-Lecture.pdf> (date of access: 14.02.2024).

House of Commons Green. In *House of Commons Information Office Factsheet G10*. 2010. URL: <https://www.parliament.uk/globalassets/documents/commons-information-office/g10.pdf> (date of access: 14.02.2024).

Jennings, I. *The Law and the Constitution*. London, University of London Press Publ., 1938. 322 p.

Nolan, L., Sedley, S. *The Making and Remaking of the British Constitution*. Blackstone, Blackstone Press Limited Publ., 1997. 113 p.

Russell, M., Cowley, Ph. Modes of UK Executive-Legislative Relations Revisited. In *The Political Quarterly*, Vol. 89, no 1, 2018, p. 24. URL: <https://doi.org/10.1111/1467-923X.12463> (date of access: 14.02.2024).

Ryder, E. Improving the delivery of justice. In *Family Court Review*, Vol. 57, Issue 3, 2019, p. 394. URL: <https://doi.org/10.1111/fcre.12431> (date of access: 14.02.2024).

Sharpe, J. *Parliamentary Conventions*. London, The Constitution Society Publ., 2020. 68 p. URL: <https://consoc.org.uk/wp-content/uploads/2020/06/Jacqy-Sharpe-FINAL.pdf> (date of access: 14.02.2024).

Tabarelli, M. The influence of the EU and the ECHR on ‘parliamentary sovereignty regimes’: Assessing the impact of European integration on the British and Swedish Judiciaries. In *European Law Journal*, Vol. 19, no 3, 2013, p. 349. URL: <https://doi.org/10.1111/eulj.12027> (date of access: 14.02.2024).